

Трансформация российской социальной политики: от реактивной к проактивной модели

Transformation of Russian social policy: from a reactive to a proactive model

DOI: 10.12737/2587-6295-2026-10-2-92-101

УДК 316.43:364

Получено: 20.05.2026

Одобрено: 23.05.2026

Опубликовано: 25.06.2026

Бочанов М.А.

Канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва
e-mail: mabochanov@fa.ru

Bochanov M.A.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
e-mail: mabochanov@fa.ru

Аннотация

Целью исследования стало выявление направлений трансформации социальной политики от реактивной модели, ориентированной на ликвидацию последствий социальных проблем, к превентивной, нацеленной на упреждение социальных рисков и стимулирование самостоятельности граждан, а также определение условий и инструментов её реализации. Через призму международного опыта и российской практики (социальный контракт, проактивное назначение пенсий, диспансерное наблюдение, развитие «третьего сектора», правовое регулирование проактивных услуг) обосновывается необходимость системного перехода к проактивной модели социальной поддержки. *Методология* исследования базируется на междисциплинарном подходе, сочетающем политологические, социологические и сравнительно-правовой методы, позволившие охарактеризовать сущностный характер рассматриваемой трансформации, выявить заложенные в ней константы и механизмы практической реализации государственной политики. В ходе исследования выделены правовые режимы обработки данных при их предоставлении. *Теоретическая значимость* исследования состоит в систематизации и обобщении опыта перехода к проактивной социальной политике. *Практическая значимость* — в определении условий и инструментов реализации проактивной модели в современной России, включая развитие института социального контракта, автоматизацию назначения пенсий и вовлечение «третьего сектора» в оказание социальных услуг. Сделан *вывод* о формировании новой парадигмы социального государства, сочетающей принципы адресности, эффективности, правовой определённости и социальной справедливости. Также обоснована необходимость дальнейшего развития институциональных условий для перехода от реактивной к проактивной модели социальной политики, совершенствования механизмов обратной связи и учёта региональной специфики при внедрении проактивных подходов.

Ключевые слова: проактивная социальная политика, социальный контракт, цифровая трансформация, социальное инвестирование, человеческий капитал, цифровое социальное государство, третий сектор, алгоритмизация, правовой режим данных.

Abstract

The purpose of the study was to identify the directions of transformation of social policy from a reactive model focused on eliminating the consequences of social problems to a preventive one aimed at anticipating social risks and stimulating citizens' independence, as well as determining the conditions and tools for its implementation. Through the prism of international experience and Russian practice (social contract, proactive pension allocation, dispensary supervision, development of the "third sector", legal regulation of proactive services), the necessity of a systematic transition to a proactive model of social support is substantiated. The research methodology is based on an interdisciplinary approach combining political science, sociological and comparative legal methods, which made it possible to characterize the essential nature of the transformation under consideration, to identify the constants inherent in it and the mechanisms of practical implementation of public policy. In the course of the study, proactive public services were grouped according to the degree of their automation (fully and conditionally proactive), and legal data processing regimes were identified for their provision. The theoretical significance of the research lies in the systematization and generalization of the experience of the transition to proactive social policy. The practical significance lies in determining the conditions and tools for implementing a proactive model in modern Russia, including the development of the institution of a social contract, the automation of pension allocation and the involvement of the "third sector" in the provision of social services. The conclusion is made about the formation of a new paradigm of the welfare state, combining the principles of targeting, efficiency, legal certainty and social justice. The need for further development of institutional conditions for the transition from a reactive to a proactive model of social policy, improvement of feedback mechanisms and consideration of regional specifics in the implementation of proactive approaches is also substantiated.

Keywords: proactive social policy, social contract, digital transformation, social investment, human capital, digital welfare state, third sector, algorithmization, legal data regime.

Введение

Современные социально-экономические вызовы - демографическое старение, цифровизация, технологическая трансформация рынка труда, последствия пандемии COVID-19 - требуют переосмысления традиционных подходов к социальной политике. Реактивная модель, ориентированная на ликвидацию последствий социальных проблем, исчерпала свой потенциал. На смену ей приходит проактивная социальная политика, направленная на предупреждение социальных рисков, стимулирование самостоятельности граждан и эффективное использование ресурсов [3; 1; 2; 19].

Как подчеркнул В.В. Путин на расширенном заседании коллегии Минздравсоцразвития, «социальная сфера считается важной как раз потому, что её справедливо считают индикатором состоятельности, дееспособности самого государства, его ответственности перед обществом, перед конкретным человеком. Мы выбрали активную политику социального развития в качестве приоритета и не отступали от этого принципа даже в самые сложные периоды нашей новейшей истории»¹.

Важной составляющей этой трансформации является вовлечение негосударственных акторов. Как подчёркивают Р.А. Алексеев и А.О. Силантьев, «реформа социальной сферы, наряду с заботой о гражданском обществе, осуществлялась с целью снижения нагрузки на госучреждения за счет задействованных в социальной сфере предпринимателей и некоммерческих организаций, чтобы сформировать на рынке поставщиков социальных услуг необходимую для повышения эффективности социальной политики конкуренцию» [2, с. 48].

Особое значение для перехода к проактивному режиму имеет правовое регулирование алгоритмизированных процессов. Как обоснованно указывают Э.В. Талапина и Д.Ю. Козяр, «автоматизированные алгоритмы представляют собой техническое воплощение регламентов

¹ В.В. Путин принял участие в расширенном заседании коллегии Минздравсоцразвития России // Официальный сайт Правительства РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.government.ru/special/docs/18454/> (дата обращения: 01.05.2026).

оказания госуслуг в проактивном режиме; эти алгоритмы замещают собой процедуры с участием человека. Принятие решения об оказании услуги и ее предоставление становятся автоматическим цифровым процессом» [11].

По данным на начало 2026 г. проактивный формат в России охватывает уже 35 видов услуг, предоставляемых в беззаявительном режиме². В 2025 г. граждане получили в таком формате свыше 130 млн/ услуг – на 12% больше, чем годом ранее³. Как отметил заместитель председателя Социального фонда России Александр Чернышёв, «показателем качества услуги является ее перевод в проактивный формат»⁴.

Цель настоящей статьи — провести комплексный анализ международного опыта и российской практики внедрения проактивных подходов в социальную политику, выделить приоритетные направления этой трансформации, раскрыть механизмы и инструменты их реализации.

Обзор научной литературы

Проблематика проактивной социальной политики активно разрабатывается как зарубежными, так и отечественными исследователями. В Европе теоретическое осмысление превентивной социальной политики получило развитие в работах Ф.-К. Кауфмана, И. Дингельдея, В. Шрёдера, а также в исследованиях Х. Ни и У. Кламмер, которые подчёркивают, что «превентивная социальная политика основана на комплексной концепции «превенции», центральным руководящим принципом которой является содействие самоопределению и равным возможностям для всех членов общества» [19]. В этом контексте особое значение приобретает жизненно-цикловой подход, учитывающий успехи и факторы риска на различных этапах жизни человека.

Важный вклад в понимание проактивности внесли российские учёные. Е.А. Назарбаева, А.И. Пишняк и Н.В. Халина разработали индекс проактивности, который позволяет оценить степень выраженности соответствующих характеристик у различных социально-демографических групп. Авторы выделяют пять ключевых признаков проактивного поведения: инициативу, действие на опережение, ориентацию на изменения, влияние на среду и фокус на будущее [7]. Результаты их исследования показывают, что «проактивность — комплексная характеристика и представляется в качестве континуума» [7].

Исследования человеческого капитала российских рабочих, проведённые Н.Е. Тихоновой, А.В. Каравай и Н.В. Латовой, показывают, что «общие показатели человеческого капитала российских рабочих типичны для постсоветских стран, но сильно дифференцированы по возрастным когортам, отраслям и типам поселений» [12]. Основными минусами являются отсутствие профильного образования и слабая включённость в дополнительное образование [12].

Правовым аспектам проактивных государственных услуг посвящена статья Э.В. Талапиной и Д.Ю. Козяр, в которой предложена типология проактивных услуг и дифференциация правовых режимов обработки данных [11]. Авторы обосновывают необходимость системных изменений правового поля, включая корректировку Федерального закона «О персональных данных» и введение понятия «большие данные» в законодательство об информации.

Роль «третьего сектора» в реформировании социальной политики России рассматривается в работе Р.А. Алексеева и А.О. Силантьева, которые приходят к выводу, что «реформа социальной сферы, наряду с заботой о гражданском обществе, осуществлялась с

² ОНФ: уже 35 федеральных мер поддержки переведены в беззаявительный формат // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26228077> (дата обращения: 01.05.2026).

³ Соцфондпроактивно. [Электронный ресурс]. URL: <https://mfc-kotelnikigo.ru/%D1%81%D0%BE%D1%86%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%B4-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE/> (дата обращения: 01.05.2026).

⁴ Соцфонд намерен перевести в проактивный формат еще шесть услуг // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26419919> (дата обращения: 01.05.2026).

целью снижения нагрузки на госучреждения за счет задействованных в социальной сфере предпринимателей и некоммерческих организаций» [2].

Отечественный политолог С.В. Расторгуев исследует концепцию социального государства и процесс его становления в Российской Федерации [9]. Международные сравнения политики социальных инвестиций представлены в работах И. Пенг [20], а также в исследовании М. Мало [18]. Опыт Сингапура освещён в статьях К.Х. Абдурахманова [1] и Д.М. Эштиева [16]. Пространственные аспекты проактивной политики рассматриваются Й. Зюдекумом [22]. Также анализировались работы по китайской модели развития [6], евразийской интеграции [8] и колониальному влиянию на социальную политику [21].

Методы

В ходе исследования использовался междисциплинарный подход, сочетающий политологические (структурно-ценностный анализ), правовые (толкование юридических норм, экспертиза нормативных правовых актов), социологические (анализ документов) и сравнительно-правовой методы, а также анализ официальных статистических данных и выступлений должностных лиц.

С помощью структурно-ценностного метода осуществлён качественный анализ ценностно-программных нормативных документов и научных публикаций по проблематике проактивной социальной политики. Правовые методы использовались для выявления смысла нормативных предписаний, регулирующих проактивный режим оказания услуг. Применение социологических методов, в частности анализа документов, позволило обозначить базовые ценностные константы российской политики и их приоритетные направления.

Обобщающим выступил структурно-функциональный анализ, позволивший выявить, каким образом рассматриваемые нормативные акты регулируют общественные отношения и какие ценности в них фиксируются. Сравнительно-правовой метод применён для сопоставления международного и российского опыта.

Результаты анализа

Проведённый анализ позволяет выделить несколько ключевых направлений трансформации социальной политики в направлении проактивной модели.

Международный опыт. В Германии реализуется превентивная социальная политика, включающая раннюю помощь детям и подросткам (Frühe Hilfen), поддержку перехода от школы к работе, создание семейной социальной среды и поддержку пожилых людей. Ключевым принципом является сетевое взаимодействие различных акторов [19]. В Сингапуре проактивная политика опирается на развитие человеческого капитала, меритократию и кооперативный трипартизм [1; 16]. Сравнительное исследование Канады, Австралии, Японии и Южной Кореи показывает две модели социальных инвестиций: «инвестиции в будущее» и «активация человеческого капитала» [20]. В рамках проекта TransEuroWorks исследуются трансформации рынка труда и социальной защиты в ответ на цифровизацию и «зелёный переход». Исследование подчёркивает важность реализации политики социального диалога.

Российская практика. Внедрение проактивного диспансерного наблюдения в Москве демонстрирует эффективность персонализированного подхода, института помощника врача и цифровой поддержки [10]. По данным Министерства труда и социальной защиты РФ, в 2025 г. стартовали два новых национальных проекта: «Семья» и «Кадры». Исполнение национальных проектов превысило 98%. Также отмечен исторический минимум уровня безработицы - 2,2%, что является результатом комплексной работы в социальной сфере⁵.

Социальный контракт как инструмент проактивной поддержки. Социальный контракт представляет собой один из ключевых инструментов перехода к проактивной социальной политике в России. Как отмечает О.А. Хохлова, «социальный контракт — это договор между государством (органом социальной защиты) и индивидом, включающий социальную

⁵Котяков: почти все показатели нацпроектов "Семья" и "Кадры" достигнуты // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26749199> (дата обращения: 08.05.2026).

поддержку и обслуживание» [13]. О.В. Щетинина подчеркивает философские основания этой программы: «В свете этой философской традиции, которую можно определить в качестве антропной или антропомерной, мы делаем акцент на том, что результатом деятельности людей является не только «товар» или «услуга» с соответствующим экономическим эффектом, но прежде всего «человек» с его качествами социального субъекта и с соответствующим социальным эффектом» [15].

Министр труда и социальной защиты РФ А. Котяков охарактеризовал социальный контракт как «договор между человеком и государством о совместном движении вперед»⁶. По его словам, с 2021 г. этот инструмент доступен во всех регионах страны, что отразилось на росте доходов у 75% российских граждан, использовавших соцконтракт по итогам 2024 г. По оценкам экспертов в 2026 г. предусмотрено выделение около 46 млрд руб. на соцконтракты, что должно охватить свыше 700 тыс. нуждающихся в адресной помощи граждан⁷. Разработчики данной программы подчёркивают, что заключение социальных контрактов в отношении участников СВО будет доступно независимо от уровня дохода их семьи.

Заместитель председателя Счетной палаты РФ Г. Изотова сообщила, что в 2025 г. более 650 тыс. чел. получили поддержку через социальные контракты. «На 20% объем госконтрактов был увеличен в сравнении с 2024 годом. 47 млрд. рублей выделено в 2025 году на данное направление государственной поддержки», — отметила она. «С первого года уже 75% участников данной поддержки получили дополнительный доход, а 44% вышли из бедности»⁸.

Вице-премьер РФ Т. Голикова на расширенном заседании коллегии Минтруда подтвердила высокую эффективность этой меры: из состояния бедности вышли более 44% оформивших социальный контракт граждан, а количество таких контрактов для многодетных семей составило 50%. Она также заявила, что уровень бедности в России по итогам 2025 г. составил 6,7%, снизившись на 0,4 п. п. по сравнению с 2024 г.⁹ Этому способствовали адресные меры поддержки.

По оперативным данным, в 2025 г. заключены более 186 тыс. социальных контрактов¹⁰. На 1 августа 2025 г. заключено 151,3 тыс. контрактов, которыми охвачено 431,3 тыс. граждан. В прошлом году помощь получили 248 тыс. семей - на 22% больше, чем было запланировано¹¹.

Важным шагом в развитии проактивной социальной политики стало внедрение механизма проактивного назначения пенсий. «Это станет возможно благодаря тому, что Социальный фонд в полном объеме располагает необходимыми сведениями, такими как стаж, количество пенсионных коэффициентов, число детей и другими... для назначения пенсии», — указал А. Котяков¹².

За последние два года список проактивных услуг пополнился важными позициями — оформление пенсии по потере кормильца детям теперь происходит автоматически, как и

⁶ Доклад Антона Котякова о развитии механизмов государственной социальной помощи гражданам на основе социального контракта // Министерство труда и социальной защиты РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrud.gov.ru/social/social/1242> (дата обращения: 08.05.2026).

⁷ В России в 2026 году более 700 тысяч человек будут охвачены социальным контрактом. [Электронный ресурс]. URL: https://egov-buryatia.ru/minsoc/press_center/news/detail.php?ID=197315 (дата обращения: 08.05.2026).

⁸ Более 650 тыс. человек получили поддержку по соцконтрактам в 2025 году. // Газета Известия. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/2110352/2026-06-05/boleee-650-chelovek-poluchili-podderzhku-po-sotckontraktam-v-2025-godu> (дата обращения: 15.05.2026).

⁹ Голикова: из бедности вышли более 44% охваченных соцконтрактом граждан // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26748707?ysclid=mqs5fj82i016582408> (дата обращения: 15.05.2026).

¹⁰ Более 186 тысяч соцконтрактов заключили в России за 9 месяцев 2025 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://obyasnyam.pf/articles/news/boleee-186-tysyach-sotckontraktov-zaklyuchili-v-rossii-za-9-mesyatsev-2025-goda?ysclid=mqs5np1zf375690004> (дата обращения: 15.05.2026).

¹¹ Котяков: меры поддержки охватили более 248 тыс. семей по итогам 2025 года // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26749469?ysclid=mqs64zyanl631764090> (дата обращения: 15.05.2026).

¹² Соцфонд будет назначать пенсии по старости автоматически без заявлений. [Электронный ресурс]. URL: <https://finance.mail.ru/article/strahovyye-pensii-po-starosti-budut-naznachat-bez-lichnogo-obrascheniya-69212537/> (дата обращения: 10.06.2026).

надбавка к пенсии при появлении северного стажа. А с 2026 г. Соцфонд начал назначать беззаявительно ежемесячную выплату матерям-героиням и региональную соцдоплату к пенсии. В планах на этот и следующий год – перевести в проактив ещё шесть услуг. Таким образом, их общее количество достигнет 45¹³. Число многодетных семей в стране за 2025 г. увеличилось практически до 3 млн., в них воспитываются около 9,5 млн. детей, сообщил премьер-министр РФ М.В. Мишустин. Он подчеркнул: «Очень важно продолжить совершенствовать систему государственной поддержки граждан, прежде всего семей»¹⁴.

Эксперт по финансовым рынкам Д. Гаффаров отметил, что государство постепенно переходит к модели, при которой система сама информирует граждан об их правах и положенных выплатах, избавляя от необходимости обращаться в различные инстанции. По его мнению, это поможет избежать ситуаций, когда люди из-за незнания или бюрократических сложностей не получают льготы или своевременно не оформляют пенсию¹⁵.

В 2010-х годах в России сформирована система поддержки социально ориентированных НКО через национальных грантовых операторов — Общественную палату и Фонд президентских грантов. Это позволило заместить западное финансирование и создать конкурентную среду на рынке социальных услуг [2,].

Э.В. Талапина и Д.Ю. Козяр предлагают авторскую типологию проактивных услуг (условно и полностью проактивные) и классифицируют режимы обработки персональных данных, выделяя групповое и профилированное информирование, а также реализацию условно и проактивных полностью услуг [11].

Реализация этих режимов требует системных изменений законодательства, включая введение понятия «большие данные» и закрепление принципа информационного самоопределения [11].

Разработанный Е.А. Назарбаевой, А.И. Пишняк и Н.В. Халиной индекс позволяет измерить степень выраженности проактивного поведения у различных групп населения. Выявлено, что проактивность выше у мужчин, лиц с высшим образованием и родителей несовершеннолетних детей, а запрос проактивных групп на государственную поддержку сфокусирован на образовании и развитии человеческого капитала [7].

Исследования Н.Е. Тихоновой, А.В. Каравай и Н.В. Латовой показывают, что качество человеческого капитала на рынке труда требует повышения через развитие профессионального образования и системы дополнительного обучения [12]. Опыт Японии демонстрирует, что дискретная модель образования и внутрифирменное обучение могут компенсировать недостатки формальной системы.

Как отмечает Й. Зюдекум, в последние годы происходит расширение пространственных политик: от реактивной поддержки отстающих регионов к проактивной помощи всем типам территорий, включая успешные промышленные кластеры [22]. Этот подход может быть полезен для российских моногородов и индустриальных регионов.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о формировании новой парадигмы социальной политики, основанной на принципах проактивности, превентивности и ориентации на развитие человеческого капитала. Ключевыми направлениями трансформации являются: цифровизация социальной сферы, развитие инструментов проактивной поддержки (социальный контракт, автоматическое назначение пенсий), инвестиции в человеческий капитал, институциональные преобразования, включая активное вовлечение «третьего

¹³Соцфонд проактивно. [Электронный ресурс]. URL: <https://mfc-kotelnikigo.ru/%D1%81%D0%BE%D1%86%D1%84%> (дата обращения: 15.05.2026).

¹⁴ Число многодетных семей в России в 2025 году выросло почти до 3 миллионов. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80aarpemecchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/chislo-mnogodetnykh-semey-v-rossii-v-2025-godu-vyroslo-pochti-do-3-millionov/?ysclid=mqs7aubzxc486892313> (дата обращения: 15.05.2026).

¹⁵ Минтруд: страховые пенсии по старости будут назначать без личного обращения. [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/aimG3Iv7R3hKmbEM?ysclid=mqs6qwf011809474546> (дата обращения: 15.05.2026).

сектора», правовое обеспечение алгоритмизированных услуг и сбалансированное сочетание проактивных и реактивных мер.

Как подчеркивает О.Е. Андриющенко, «реализация принципа проактивности в системе социальной поддержки семьи в современной России обеспечивает упрощенный режим получения, оперативность и адресность» [3]. Президент России В.В. Путин неоднократно подтверждал курс на развитие социальной сферы: «Мы не только строго выполняем все ранее взятые социальные обязательства, но и вводим новые меры поддержки»¹⁶. По его словам, речь идёт о решениях, которые должны напрямую влиять на качество жизни людей.

Международные исследования социальной политики демонстрируют, что «предупредительная социальная политика направлена не просто на предотвращение нежелательных событий, но и на активное содействие позитивным условиям роста во всех сферах социальной жизни» [19].

Российская практика последнего десятилетия показывает, что реформа социальной сферы успешно дополняется развитием рыночных механизмов через поддержку СО НКО. Как обоснованно заключают Р.А. Алексеев и А.О. Силантьев, вытеснив иностранных спонсоров, руководство России создало национальных грантовых операторов, что позволило сформировать устойчивую экосистему негосударственных поставщиков социальных услуг [2].

Особую значимость приобретает правовое регулирование алгоритмизированных проактивных услуг. Предложенная Э.В. Талапиной и Д.Ю. Козяр дифференциация правовых режимов обработки данных создаёт основу для легального и безопасного перехода к полностью автоматизированному оказанию государственных услуг [11].

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку методологии оценки эффективности проактивных мер, совершенствование механизмов обратной связи, развитие институциональных условий для перехода от реактивной к проактивной модели социальной политики, а также на учёт региональной специфики при внедрении проактивных подходов и расширение участия «третьего сектора» в их реализации.

Литература

1. Абдурахманов К.Х. Опыт Сингапура в формировании и развитии человеческого капитала и социально-трудовых отношений // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2023. - Т. 14. - № 2. - С. 188–197. DOI: 10.17747/2618-947X-2023-2-188-197.
2. Алексеев Р.А., Силантьев А.О. Роль «третьего сектора» в реформировании социальной политики России (2010 – начало 2020 гг.) // Вопросы политологии. - 2025. - Т. 15. - № 1 (113). - С. 48–56. DOI: 10.35775/PSI.2025.113.1.005.
3. Андриющенко О.Е. Реализация принципа проактивности в социальной поддержке семьи в современной России / Инновационные социально-психологические и социально-реабилитационные технологии: от теории к практике : материалы III Междунар. науч.-практ. фестиваля, 21 марта 2025 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н. Н. Красовская (гл. ред.), Т. В. Тратинко. – Минск: БГУ, 2025. – С. 7-11.
4. Борисенков А.А., Макаров А.В., Поляков Ф.А., Лайков М.А. Модель коммуникации государства и общества через технологии искусственного интеллекта // Коммуникология. 2025. - Т. 13. - № 4. - С. 58–72. DOI: 10.21453/2311-3065-2025-13-4-58-72.
5. Гонтмахер Е.Ш., Былевский П.Г., Щербаков А.Ю. Цифровой облик социального государства // Государство и цифровые технологии. - 2024. - № 2. - С. 15–22.
6. Круглова М.С. Китайская модель государства развития: обзор исследовательской литературы // Вопросы теоретической экономики. - 2024. - № 4. - С. 215–224. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_215_224.

¹⁶ Путин: Россия строго выполняет соцобязательства // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/27720337> (дата обращения: 10.06.2026).

7. Назарбаева Е.А., Пишняк А.И., Халина Н.В. Индекс проактивности как инструмент анализа социальной политики // Журнал исследований социальной политики. - 2025. - Т. 23. - № 3. - С. 465–478. DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-3-465-478.
8. Осадчая, Г. И. Модель социальной политики Евразийского экономического Союза // Наука. Культура. Общество. – 2016. – № 1. – С. 80–93.
9. Расторгуев С.В. Современные исследования социального государства в России // Власть. - 2021. - № 4. - С. 28–34.
10. Старшинин А.В., Кучерявых Е.С., Гавриленко О.Ф., Аксенова Е.И., Камынина Н.Н., Бурковская Ю.В. Эволюция проактивного диспансерного наблюдения в системе московского здравоохранения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. - 2023. - Т. 31. - № 2. - С. 255–263. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-2-255-263.
11. Талапина Э.В., Козяр Д.Ю. Проактивные государственные услуги: на пути к алгоритмизации // Вопросы государственного и муниципального управления. - 2023. - № 2. - С. 7–32. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-2-7-32.
12. Тихонова Н.Е., Каравай А.В., Латова Н.В. Человеческий капитал российских рабочих: состояние, динамика, факторы // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. - 2019. - № 4. - С. 39–47.
13. Хохлова О.Н. Социальный контракт как современный инструмент реализации социальной политики в России // Индустриальная экономика. - 2022. – Т. 4. - №. 4. - С. 330–335. DOI: 10.47576/2712-7559_2022_4_4_330.
14. Шерстобитова Ю.А. Качество и уровень жизни как факторы и результат устойчивого развития Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. - 2026. - Т. 22. - № 2. - С. 336–349. DOI: 10.52180/1999-9836_2026_22_2_12_336_349.
15. Щетинина О.В. Проактивная социальная политика в России: философия и практика социального контракта /Антропный принцип устойчивого развития, социальное государство, урбанизация: диалог мировоззрений: сборник научных трудов по материалам XVI международного симпозиума, Нижний Новгород, 26–27 мая 2021 г. / под ред. А.В. Парамонова, А.Н. Штефана, А.В. Дахина, К.А. Демичева. – Нижний Новгород: Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, 2021. – 452 с.
16. Эштиева Д.М. Опыт успешного социального управления на примере Сингапура // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - Т. 9. - № 2/1. - С. 111–114. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/1-111-114.
17. JanskáE., JanurováK., LöblováO., NovotnýJ. Extending comparative typologies of diaspora policies: Towards a "cautiously proactive" diaspora policy state // Political Geography. 2024. DOI: 10.1016/j.polgeo.2024.103189.
18. Malo M.A. Finding proactive features in labour market policies: A reflection based on the evidenceILO future of work research paper series // Future of Work Research Paper Series. ILO. 2018. DOI:10.13140/RG.2.2.25646.97601.
19. Ni X., Klammer U. Concept and Practices of Preventive Social Policy in Germany and Some Lessons for China // Sustainability. 2023. Vol. 15. No. 20. P. 14847. DOI: 10.3390/su152014847.
20. Peng I. Social Investment Policies in Canada, Australia, Japan, and South Korea // International Journal of Child Care and Education Policy. <https://doi.org/10.1007/2288-6729-5-1-41>.
21. Roelen K., Lambin R., Bado A.B., de Carvalho T., Chukwuma J., Deane K., Muangi W.C. Social Protection and Coloniality: Learning from the Past and Present // IDOS Discussion Paper 21/2025. DOI: 10.23661/idp21.2025.
22. Südekum J. Place-based policies – How to do them and why. – Düsseldorf: Heinrich Heine University Düsseldorf, Düsseldorf Institute for Competition Economics (DICE), 2021. – (DICE Discussion Paper; No. 367). – ISBN 978-3-86304-366-7.
23. Xiong Y. China's Social Policy in the Context of Big Transformation: Fundamental Directions and Main Strategies // World Social Policy and Public Welfare. 2024. Vol. 8. No. 1. P. 5–14. DOI: 10.47297/wspsprwWSP2515-471001.20240801.

References

1. Abdurakhmanov K.Kh. Opyt Singapura v formirovanii i razvitii chelovecheskogo kapitala i sotsial'no-trudovykh otnosheniy [The experience of Singapore in the formation and development of human capital and social-labor relations]. Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment [Strategic Decisions and Risk Management]. 2023, V. 14, I. 2, pp. 188–197. DOI: 10.17747/2618-947X-2023-2-188-197. (In Russian).
2. Alekseev R.A., Silant'ev A.O. Rol' «tret'ego sektora» v reformirovanii sotsial'noy politiki Rossii (2010 – nachalo 2020 gg.) [The role of the "third sector" in the reform of social policy in Russia (2010 – early 2020s)]. Voprosy politologii [Political Science Issues]. 2025, V. 15, I. 1 (113), pp. 48–56. (In Russian).
3. Andryushchenko O.E. Realizatsiya printsipa proaktivnosti v sotsial'noy podderzhke sem'i v sovremennoy Rossii [Implementation of the principle of proactivity in social support of families in modern Russia]. Innovatsionnye sotsial'no-psikhologicheskie i sotsial'no-reabilitatsionnye tekhnologii: ot teorii k praktike : materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. festivalya, 21 marta 2025 g. [Innovative socio-psychological and socio-rehabilitation technologies: from theory to practice: proceedings of the III International Scientific and Practical Festival, March 21, 2025]. Belarus. gos. un-t; redkol.: N.N. Krasovskaya (gl. red.), T.V. Tratinko. Minsk: BGU, 2025, pp. 7–11. (In Russian).
4. Borisenkov A.A., Makarov A.V., Polyakov F.A., Laykov M.A. Model' kommunikatsii gosudarstva i obshchestva cherez tekhnologii iskusstvennogo intellekta [The model of communication between the state and society through artificial intelligence technologies]. Kommunikologiya [Communicology]. 2025, V. 13, I. 4, pp. 58–72. DOI: 10.21453/2311-3065-2025-13-4-58-72. (In Russian).
5. Gontmakher E.Sh., Bylevskiy P.G., Shcherbakov A.Yu. Tsifrovoy oblik sotsial'nogo gosudarstva [The digital image of the welfare state]. Gosudarstvo i tsifrovye tekhnologii [State and Digital Technologies]. 2024, I. 2, pp. 15–22. (In Russian).
6. Kruglova M.S. Kitayskaya model' gosudarstva razvitiya: obzor issledovatel'skoy literatury [Chinese model of developmental state: a literature review]. Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Theoretical Economics]. 2024, I. 4, pp. 215–224. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_215_224. (In Russian).
7. Nazarbaeva E.A., Pishnyak A.I., Khalina N.V. Indeks proaktivnosti kak instrument analiza sotsial'noy politiki [The Proactivity Index as a Tool for Social Policy Analysis]. Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki [The Journal of Social Policy Studies]. 2025, V. 23, I. 3, pp. 465–478. DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-3-465-478. (In Russian).
8. Osadchaya G.I. Model' sotsial'noypolitikiEvraziyskogoekonomicheskogoSoyuza [The model of social policy of the Eurasian Economic Union]. Nauka. Kul'tura. Obshchestvo [Science. Culture.Society]. 2016. I. 1. pp. 80–93. (In Russian).
9. Rastorguev S.V. Sovremennye issledovaniya sotsial'nogo gosudarstva v Rossii [Contemporary studies of the welfare state in Russia]. Vlast' [Power]. 2021, I. 4, pp. 28–34. (In Russian).
10. Starshinin A.V., Kucheryavikh E.S., Gavrilenko O.F., Aksenova E.I., Kamynina N.N., Burkovskaya Yu.V. Evolyutsiya proaktivnogo dispansernogo nablyudeniya v sisteme moskovskogo zdravookhraneniya [The evolution of proactive dispensary monitoring in the Moscow healthcare system]. Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]. 2023, V. 31, I. 2, pp. 255–263. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-2-255-263. (In Russian).
11. Talapina E.V., Kozyar (Dvinskikh) D.Yu. Proaktivnye gosudarstvennye uslugi: na puti k algoritimizatsii [Proactive public services: on the way to algorithmization]. Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Public Administration Issues]. 2023, I. 2, pp. 7–32. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-2-7-32. (In Russian).
12. Tikhonova N.E., Karavay A.V., Latova N.V. Chelovecheskiy kapital rossiyskikh rabochikh: sostoyanie, dinamika, faktory [Human capital of Russian workers: state, dynamics, factors].

- Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki [Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences]. 2019, I. 4, pp. 39–47. (In Russian).
13. Khokhlova O.N. Sotsial'nyykontrakt kak sovremennyy instrument realizatsii sotsial'noy politiki v Rossii [Social contract as a modern tool for implementing social policy in Russia]. Industrial'naya ekonomika [Industrial Economics]. 2022, I. 4, V. 4, pp. 330–335. DOI: 10.47576/2712-7559_2022_4_4_330. (In Russian).
 14. Sherstobitova Yu.A. Kachestvo i uroven' zhizni kak faktory i rezul'tat ustoychivogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii [Quality and standard of living as factors and outcomes of the sustainable development of the Russian Federation]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2026, V. 22, I. 2, pp. 336–349. DOI: 10.52180/1999-9836_2026_22_2_12_336_349. (In Russian).
 15. Shchetinina O.V. Proaktivnayasotsial'nayapolitika v Rossii: filosofiyaipraktikasotsial'nogokontrakta. Antropnyyprintsipustoychivogorazvitiya, sotsial'noyegosudarstvo, urbanizatsiya: dialog mirovozzreniy: sborniknauchnykhtrudovpomaterialam XVI mezhdunarodnogosimpoziuma, Nizhniy Novgorod, 26–27 maya 2021 g. / pod red. A.V. Paramonova, A.N. Shtefana, A.V. Dakhina, K.A. Demicheva. – Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiyinstitutupravleniya – filial RANKhiGS, 2021, 452 p. (In Russian).
 16. Eshtieva D.M. Opytuspeshnogo sotsial'nogo upravleniya na primere Singapura [Successful social management: Singaporean case]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' [Historical and Social Educational Idea]. 2017, V. 9, I. 2/1, pp. 111–114. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/1-111-114. (In Russian).
 17. Janská E., Janurová K., Löblová O., Novotný J. Extending comparative typologies of diaspora policies: Towards a "cautiously proactive" diaspora policy state. Political Geography. 2024. DOI: 10.1016/j.polgeo.2024.103189. (in English).
 18. Malo M.A. Finding proactive features in labour market policies: A reflection based on the evidence ilo future of work research paper series. Future of Work Research Paper Series. ILO. 2018. DOI:10.13140/RG.2.2.25646.97601. (in English).
 19. Ni X., Klammer U. Concept and Practices of Preventive Social Policy in Germany and Some Lessons for China. Sustainability. 2023, V. 15, I. 20, pp. 14847. DOI: 10.3390/su152014847. (in English).
 20. Peng I. Social Investment Policies in Canada, Australia, Japan, and South Korea. International Journal of Child Care and Education Policy. DOI: 10.1007/2288-6729-5-1-41. (in English).
 21. Roelen K., Lambin R., Bado A.B., de Carvalho T., Chukwuma J., Deane K., Muangi W.C. Social Protection and Coloniality: Learning from the Past and Present. IDOS Discussion Paper 21/2025. DOI: 10.23661/idp21.2025. (in English).
 22. Südekum J. Place-based policies – How to do them and why. Düsseldorf: Heinrich Heine University Düsseldorf, Düsseldorf Institute for Competition Economics (DICE), 2021. (DICE Discussion Paper, I. 367). (in English).
 23. Xiong Y. China's Social Policy in the Context of Big Transformation: Fundamental Directions and Main Strategies. World Social Policy and Public Welfare. 2024, V. 8, I. 1, pp. 5–14. DOI: 10.47297/wspsprwWSP2515-471001.20240801. (in English).